

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЗАБОР

РАССКАЗ

Памяти гениального поэта

Однажды Вася Пичугин хотел поколотить за что-то Надю Самсонову. Мы с Митей Лаптевым заступились за нее. Из-за этого Вася поссорился с нами и нашел себе новых друзей. Теперь уже он их, а не нас стал угощать яблоками из своего великолепного сада.

Иногда Вася хотел показать нам, как много мы потеряли. Для этого он во время игры вынимал из кармана крупное спелое яблоко и принимался медленно грызть его. И столько самодовольства видели мы на его веснушчатом лице!

Раз после такого случая Митя сказал мне:

— Еще хвалится! Думает, без его яблок не обойдемся. Да мы, если надо, сами у них в саду нарвем яблок. Давай залезем сегодня ночью.

— Не надо, — сказал я. — Пусть сами съят эти яблоки.

— Нет, нужно на зло Васю залезть. А то больно нос задирает.

Тут я согласился с Митей и решил даже пойти вместе с ним. Вечером мы отпросились у родителей ночевать на крыше нашего сарая. Постель приготовили там еще засветло. Как только в доме потух свет, мы спустились с крыши. Вскоре возвышался уже перед нами большой бревенчатый дом. В нем было темно и тихо: видимо, все спали.

Мы уселись в лопухах и начали совещаться.

— Собаки-то у них нет. Машинной задавило. Но все равно незаметно не перелезешь: высоко. Вот отодрать бы чем-нибудь доски снизу, — прошептал Митя.

— Сейчас принесу, — сказал я после небольшой паузы и, пригibas, побежал к оврагу. Цепкие семена череды в одно мгновение закрыли мои штаны.

Спрыгнул в овраг. Один берег освещался луной. От другого падала на дно густая тень. Я подошел к куче мусора. Вынул из нее толстый железный прут, который заметил еще с неделю назад. Выбравшись из оврага, сорвал лопух и оттер им с прута липкую вонючую грязь. Затем возвратился к Мите. Он на что-то смотрел, потом порывисто взял меня за плечо, кивнул на забор.

Смотри-ка, сколько дырок. Почему, думаешь, они здесь?

— Откуда я знаю. Может от пули. Ведь война здесь шла.

— Верно. А что ты принес? Железку? Дай-ка сюда.

Я подал. Митя отгреб прутком землю от забора и отодрал две доски. Через образовавшуюся дыру мы пробрались в сад. Тяжелые плоды, глухо ударяясь друг о друга, посыпались каждому в кошку и захрустели на наших зубах.

Через некоторое время мы выбрались из сада и, приладив за собой подгнившие доски, отправились спать на свою постель под открытым небом.

Все прошло удачно.

После первого набега мы с Митей лазили в сад Пичугиных еще несколько раз. Причем как-то даже днем захотели полакомиться малиной. Но нам не повезло. Я уже начал было отодвигать доски, как вдруг кто-то крепко схватил меня за плечо.

— Ты куда это полез, негодник? Поворачиваюсь — дед Пичугин. Злой, аж трясется. Я перетрусил.

А Митю не видно в лопухах. Притаился. Должно быть не дышит.

— Ах негодник! А я-то думаю, кто это яблоки обрывает? И вот поймал. Стоило бы крапивы в штаны сунуть, но я отцу тебя отведу. Он агроном хороший и человек порядочный. Позоришь ты его.

Не представляю что бы мне еще наговорил дед, если бы я не нырнул и не убежал.

Вдогонку он прокричал мне:

Беги, беги! Я отцу все равно скажу. Ужо он тебе задаст.

Я бежал, не оглядываясь, и остановился только среди теневых кустов на берегу реки. Услышав шаги, быстро спрятался. Но по-

том увидел, что через полянку идет Митя.

Я очень обрадовался.

— Тебе хорошо. Тебя он не заметил.

— Заметил. Только я сразу убежал.

Затем мы молча опустились на песок и стали смотреть на затененную кустами воду. Ближе к середине река ослепительно сияла, поглотив небесную голубизну, пухлые облака и яркое солнце. Мы швыряли камешки в резвых рыбок, приближавшихся к поверхности. Когда надоело это занятие — выкупались, ползали по зарослям в поисках смородины.

Домой я вернулся под вечер и увидел деда Пичугина, сидящего за столом рядом с отцом и матерью.

— Легко на помине, — сказал отец, взглянув в мою сторону. — Что ж?.. Давай отчитывайся за свои проступки. Во! человек пришел жаловаться на тебя, что ты к нему в сад залез. Правда это? Я молчу, опустив голову.

— Ну, отвечай же!

Дед, маленький, седой, с лицом изрезанным морщинами, смотрит на меня и часто-часто моргает выцветшими карими глазами.

— Вот, дедушка еще говорит, будто вы забор сломали с Митей Лаптевым.

— Только две досточки отодрали.

— Две досточки! Да вы не знаете откуда вы их оторвали. Это ж можно сказать исторический забор! — воскликнул дед.

— Как исторический? — спросил отец.

— Выдумывает тоже! — сказала мать.

— Ничего не выдумал. В гражданскую я в наших местах воевал и забор для меня большое значение имеет...

Раз попал наш отряд в окружение к белым. Жарко нам пришлось. Многие легли под пулями и шашками. И только мы, четыре человека во главе с командиром нашим, Тимофеем Назаровым, продолжали отбиваться из-за этого забора. Патронов у нас мало оставалось, и мы старались бить без промаха. А белыки прибывали. Установили они пулемет в кустах за оврагом. Одного пулеметчика братишка мой, Володя, тут же мазал. Подскочил второй. Пули застучали по забору. Одна в ногу братишке попала. Как только очередь кончилась, сорвал я ему сапог, завязал рану. Так он в одном сапоге и лежал. Много белыков полегло от его руки. Меткий был стрелок. Да только другая пуля ему в лоб попала, когда обойму вставлял.

Кинулся я к нему. Зову: — «Володя! Братишка!» А он уже не шевелится. Бледный сделался и по лицу кровь течет. Прижался я ухом к груди: не дышит. Сжалось сердце мое. Но пересилил я себя. Взглянул опять за винтовку. А белыки знают из пулемета шпарят. Только пулемет видно у них неисправный. То замолкнет он, то опять зачинает. И мы то поднимемся, то снова к земле плотней прижмемся. Еще одного нашего убили. Трое нас осталось.

Командир повернулся к нам. Тужурка в земле выпачкана, в руке маузер. По правому виску кровь течет: видно задела пуля.

— Ползите за мной, — говорит он. — Спрячемся вон в том доме. Скоро будет темно, а белыки не знают сколько нас было за забором. Подумают — двое и искать не будут. А если будут, себе хуже сделают. Живыми не дадимся. Поняли?

Но я будто не слышу. Уставился на брата. Слезы глаза застилают. И вся наша жизнь прошла на память пришла. Отец наш бедный был крестьянином и помер еще молодым. Мать осталась хвора со мной да с братом. Я еще маленький был, а брат давно уж отцу помогал по хозяйству. Вот и досталось ему кормить мать да меня. В батраки пошел. Уставал. Придет с работы, с ног валится. Но ни разу не пожаловался. Так и выросли мы.

Мать вскорости померла и осталась мы с ним одни на белом свете. А тут война. Революция. Снова война. И всегда мы вместе с Володей. Но видно не судьба ему при хорошей жизни пожить, за которую воевал. Момент его смерти мне даже сейчас больно вспоминать. По первости же я был просто убит горем. Командир понял это, но все равно приказывает:

— Не оставаться! Ползи. Брат мертв, а ты жив. Еще отомстишь за него.

Я молча пополз вслед за ним. Скоро мы сидели в доме на темном чердаке. Лесенку, по которой влезли, мы туда же втащили.

Во дворе уже стали голоса слышны, топот коней, хлопанье двери. Кто-то говорил: «Смотри-ка! Красный! Да еще шевелится поганец! Отсеки-ка ему голову, Макаря!»

Послышалось как скрежетнула шашка.

«Кто же это мог быть?» — подумалось мне. Сердце сильно билось. «А что, если сюда залезут?» Но не лез никто. Да и до того ли белыкам? Галдят. Радуются, что нас одолели. А мы сидим трое. Смотрим на них через щели в карнизе да через слуховое окно. Тут и солнце село. Красный свет от зари к нам в щели прошел. Будто кровь пролилась. Но зря быстро потухла. Сумерки наступили, а потом и ночь пришла. Видим мы: встает один часовой к двери. Другой около пулемета садится.

— Не выбраться, — прошептал третий наш товарищ. — Враз укошат.

Но тут зачем-то часовой, что стоял у двери, тоже к пулемету подсел.

Командир шепчет нам: — «Давайте спустим лестницу. Только осторожно: один звук — и мы погибим».

И все-таки лестница ударилась об пол. Звук, правда, слабый, получился. Солдаты, должно быть, не слышали его.

В сенях мы встали у открытой двери с шашками наголо, и думалось мне, что часовые могут услышать, как у нас сердца стучат.

— Быстрее налетай и руби, — прошептал командир. И сам первый кинулся. Мы — за ним. Зарубили часовых. В избу входим. Там храпят во всю. Какой-то верзилка спит прямо за столом. Рядом бутылки блестят при лунном свете.

— Кто так-кие? — спросил верзила.

— Свои, — ответил командир и шагнул к нему.

Вскочил верзила. Качается. Волосы растрепаны. В руке пистолет.

— Стоять! — кричит хриплым голосом. Тимофей взмахнул шашкой. Но выстрел раздался. Упал командир. В ту же секунду голо-

ва белогвардейца слетела на пол от моей шашки.

С остальными двумя перепившимися начальниками разделились без лишнего шума, взвалили на себя убитого командира и о родами побежали к оврагу.

Возле забора все еще лежало тело брата. Оно было сильно изуродовано. Я попросил товарища не останавливаться. Сам встал. Кулаки стиснул. Поклялся отомстить. Потом взвалил тело на спину и догонять товарища пошел. А в деревне шум, крик. Но мы за оврагом, и нам уже никто не страшен. Скоро и до своих добрались. Володю с Тимофеем скорошили по всем правилам.

Крепко я мстил потом за брата и за товарищей. Много белой нечисти уничтожил. Орден Красного Знамени мне дали. Старик кончил. Все какое-то время молчали. Отец заговорил первым:

— Вот оно что. Ну, такой забор действительно жалеть надо. Но не беспокойтесь. Он прибудет доски.

И отец указал взглядом на меня.

Ю. МИШИН.

В. ВЯТСКИЙ.

На рыбалку.

Фотоэтиюд.

На морозе песня льется

Абзакково... Чудесный уголок Южного Урала. Кого не привлекает его прекрасная природа: горы, покрытые лесом, отлогие спуски и долины. И все это сейчас покрыто серебристым снегом, сверкающим на солнце мириадами звездочек.

Сюда решили поехать на воскресный отдых молодые служащие заводоуправления. Лучшие всяких слов рассказывают два десятка фотографий о том, как провела молодежь свой день отдыха в Абзакково. Эти снимки сделали общественные фотокорреспонденты З. Шувалова и В. Небенный.

Лыжные гонки, неудачи, подъемы на горы и стремительные спуски лыжников с горных круч, отдых на турбазе — все отражено на фотоснимках. Они помещены в фотогазете, которая вывешена в вестибюле заводоуправления.

В. ВЛАДИМИРОВ.

И. о. редактора Н. М. КИЯНЕНКО

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА В КИНО:
ЛЕВОБЕРЕЖНЫЙ ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ МЕТАЛЛУРГОВ: сегодня «Годы девичьи», ПРАВОБЕРЕЖНЫЙ ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ МЕТАЛЛУРГОВ: сегодня «Человек ниоткуда», с 12 февраля «Зайлергассе, 8», КЛУБ ЖДТ: «Конец дороги», КИНОТЕАТР «КОМСОМОЛЕЦ»: «Любовь в сентябре», КИНОТЕАТР им. ГОРЬКОГО: сегодня «Знамя кузнеца», с 12 февраля «Длинный день», КИНОТЕАТР «ДРУЖБА»: сегодня «На берегах Ингури», с 12 февраля «Бесхарактерный мужчина».